

Глава 12

Стоило дедушке выпроводить Чжао Диншаня, как Чу Вэй легко спрыгнул с дерева.

Положив исписанные экзаменационные листы на каменный стол, юноша бережно придержал дедушку под локоть и помог ему опуститься на табурет.

— Дедушка, ты не хочешь, чтобы я шёл туда?

Старик молча взглянул на внука и лишь тяжело, медленно вздохнул.

— Вэйвэй, — негромко произнёс он, — дедушке твоему, похоже, совсем недолго на этом свете осталось.

Чу Вэй и сам всё прекрасно понимал, но упрямо насупился, делая вид, будто сердится:

— Глупости говоришь, дедушка. Ты у меня ещё крепкий, вон какое здоровье.

Старик тепло улыбнулся и ласково потрепал внука по волосам:

— Не нужно меня утешать, глупенький. Своё тело я получше твоего знаю. Восемьдесят лет — возраст почтенный. Уйти в такие годы — благодать, а не горе. Похороны старика — праздник жизни, светлая кончина.

Глядя на спокойную, безмятежную улыбку деда, Чу Вэй почувствовал, как у него предательски защипало в носу. Одно дело — понимать неизбежное умом, и совсем другое — сдерживать рвущиеся наружу чувства.

Старик замолчал, пристально всматриваясь в лицо внука, и добавил тише:

— За одно только сердце болит — за тебя. Молодой ты ещё совсем, глупый.

Чу Вэй натянул слабую улыбку, пытаясь приободрить деда:

— Да о чём тут беспокоиться? Дедушка, ты даже не представляешь, какой я у тебя способный. Я со всем справлюсь.

Старик негромко рассмеялся и любя щелкнул его по лбу:

— Способный, кто бы сомневался, самый лучший... Жаль только, не успею я поглядеть, как ты

в университет поступишь. Мир за пределами нашей деревни огромный и удивительный. Ты уж постарайся, сдай экзамены хорошо. Выбирайся отсюда, посмотри, как люди живут.

У Чу Вэя сильнее защемило в груди, а к глазам подступили слёзы:

— Никуда я не поеду, дедушка. Буду здесь, с тобой останусь.

— Глупости говоришь, непутёвый, — покачал головой старик. — Что толку сидеть возле дряхлого деда? Ты должен стать достойным человеком, пользу людям приносить — вот тогда это будет настоящая жизнь.

Чу Вэй в душе не слишком одобрял эти старомодные нравоучения, но перечить не стал. Он просто сидел рядом, молча и кротко слушая тихий, неторопливый шёпот деда.

Старик рассказывал долго, не торопясь. Вспоминал свою лихую молодость, забавные проказы маленького Чу Вэя, пока наконец не умолк, утомлённый собственной речью.

Чу Вэй бережно приподнял дедушку и повёл в дом, помогая добраться до постели. Перед самым порогом старик на мгновение замер и негромко, весомо произнёс:

— Вэйвэй... У каждого в груди есть свои весы, и каждый сам чувствует, где добро, а где зло. Что бы ни творилось в нашей деревне — захочешь ли ты помочь или решишь остаться в стороне, — это будет только твой выбор. Главное, живи так, чтобы перед самим собой стыдно не было. По совести поступай. Этого довольно.

Чу Вэй на мгновение задумался и совершенно искренне ответил:

— За добро платят добром, за зло — злом. Колесо сансары крутится непреклонно, и от судьбы не уйти. Я всё знаю, дедушка.

Понял ли старик глубину его слов или просто отмахнулся — сказать было трудно. Он лишь невнятно махнул рукой и, тяжело опираясь на клюку, ушёл к себе отдыхать.

Стоило дедушке уснуть, как в ворота снова настойчиво постучали. На этот раз у дома собралась целая толпа во главе с женой старосты. Позади неё хмуро жался Чжао Диншань, а за ними стояли перепуганные деревенские жители, готовые ловить каждое движение юноши.

Стоило Чу Вэю отпереть засов, как жена старосты попыталась рухнуть перед ним на колени, но юноша ловко подхватил её под локти, не позволив коснуться земли.

— Чу Вэй! — взмолилась женщина, заливаясь слезами. — Христом-богом прошу, мы ведь соседи, в одной деревне спокон веку живём! Спаси старосту, погибает ведь человек!

Лицо Чу Вэя оставалось бесстрастным, холодным. Он лишь негромко обронил:

— Ведите.

Толпа радостно загудела, расступаясь, и торопливо последовала за стремительно шагающим юношей.

Чжао Диншань плёлся следом за матерью, буравя взглядом хрупкую, тонкую спину шедшего впереди Чу Вэя. Злоба комом стояла у него в горле — ни выплюнуть, ни проглотить. Этот малец совершенно осознанно ткнул его носом в грязь. Сморчок недоделанный, а форсу-то сколько!

Оказавшись во дворе старосты, Чу Вэй проходить в дом не спешил. Ему и за порог ступить не требовалось: густые, клубящиеся потоки мертвенной скверны, обвивавшие здание, ясно давали понять — за болезнью хозяина по-прежнему стояли семь загубленных душ семьи Ван.

Заметив, что юноша замер на месте, жена старосты заволновалась и жалобно затеребила его за рукав:

— Чу Вэй, ты чего?.. Почему не заходишь?

Чу Вэй не ответил. Он лишь медленно раскрыл ладонь, на которой, поблёскивая глянцевыми боками, перекатывался совершенно чёрный стеклянный шар.

— Выводить старосту — дело нехитрое, — ровно произнёс он. — Но только если они согласятся вас простить. Смягчится гнев семьи Ван — поправится староста, да и вся деревня наконец вздохнёт спокойно.

У селян, толпившихся во дворе в ожидании новостей, разом перехватило дыхание, а сердца ушли в пятки. Как же так? Неужели кошмар не закончился? Разве этот малец не совладал со злобными тварями?

Но в недрах стеклянного шара бурлил густой, осязаемый мрак. Если приглядеться, сквозь стеклянную грань можно было различить искажённые яростью призрачные лики — лица замученных Ванов. Они ведь сами, своими руками, сгубили семерых человек. И теперь те вернулись с того света мстительными призраками, требуя платы за пролитую кровь.

— И... что же нам делать, чтобы они простили? — слышался из толпы чей-то робкий, дрожащий голос.

Ответа никто дать не успел. Из дверей дома поспешно вышли двое буддийских монахов, дожидавшихся прихода юноши. Стоило им завидеть диковинную сферу в руках Чу Вэя, как глаза их округлились от крайнего изумления.

Высокий монах не удержался от возгласа:

— Неужели в этой малой вещице и таится... исток всей мертвенной скверны?

Чу Вэй с лёгким любопытством вскинул голову, разглядывая подошедших. В отличие от даоса-проходимца, вертевшегося здесь ранее, эти двое явно не были дешёвыми трюкачами. Их окутывала едва различимая дымка чистой духовной силы, свойственная настоящим подвижникам. Впервые встретив в этих краях братьев по ремеслу, Чу Вэй с нескрываемым интересом принялся их разглядывать.

Высокий монах приблизился на пару шагов, сложил ладони в вежливом приветствии и, прочитав краткую молитву, со всем почтением обратился к юноше:

— Достопочтенный юный мирянин, не позволишь ли ты мне поближе взглянуть на этот сосуд?

Чу Вэй без колебаний протянул ему стеклянную сферу, лишь небрежно обронив:

— Осторожнее. Ненависти в ней скопилось через край, берегите руки.

Глаза монаха удивлённо блеснули, и он благоговейно протянул обе ладони, чтобы принять диковинный предмет — ему ещё никогда не приходилось встречать столь изощрённые сосуды для удержания неприкаянных душ. Однако едва его пальцы соприкоснулись со стеклом, как сквозь кожу в тело хлынула леденящая мертвенная злоба. Пальцы мгновенно сковало судорогой, ладони разжались, и шар, выскользнув, полетел напрямик на каменные плиты.

Разбейся он сейчас — и пиши пропало.

Чу Вэй среагировал мгновенно. Едва заметным, молниеносным движением он перехватил падающий шар в считанных вершках от земли. Рука юноши двигалась столь быстро, что в воздухе промелькнула лишь неясная тень.

Ошарашенный буддист уставился на него круглыми от изумления глазами:

— Достопочтенный... неужели ты совсем не чувствуешь эту леденящую кровь скверну?

Чу Вэй озадаченно перевёл взгляд на собственную ладонь, в которой покойно лежал шар:

— А что-то должно быть? Обычный холодный шарик.

Насыщенность сферы мертвенной силой была такова, что обычный человек, просто постояв рядом, тут же лишился бы чувств, а от прикосновения его плоть и вовсе омертвела бы. Но юноша держал её с таким небрежным видом, будто крутил в руках копеечную стекляшку. Мертвечина обходила его стороной, не смея даже коснуться.

Это граничило с чудом. Высокий монах, глядя на него, с каждой секундой всё отчётливее понимал: перед ним стоит истинный великий мастер.

Простые селяне не смыслили в духовных тонкостях, да и до чужих восторгов им дела не было — их собственная жизнь висела на волоске.

Они заголосили наперебой, обступая юношу:

— Да как же нам прощение-то заслужить? Что сделать надобно?

Не успел Чу Вэй раскрыть рта, как высокий монах, прижав ладони друг к другу, весомо возвестил:

— В подлунном мире правит закон воздаяния, и никому не уйти от своей судьбы. Как я уже наставлял вас: дабы исцелить живых, должно сперва спасти усопших. Только если упокоить мятежные души, позволив им покинуть этот мир, вы сумеете очистить свои дома от душащего их ледяного мрака.

Чу Вэй с некоторым удивлением покосился на него и согласно кивнул:

— Монах дело говорит. Без упокоения не обойтись.

— Упокоить? Да как же их упокоишь?

— Разве это не монашья работа? Смилуйтесь, святые отцы, отчитайте по ним службу!

— Да-да, мастер, сжальтесь над нами, спасите грешных!

Чу Вэй презрительно хмыкнул:

— Вы меня не так поняли. То упокоение, о котором я толкую, никакой монастырский обряд не совершит. Сами будете грехи замаливать.

— Да где ж это видано? Да как мы-то сможем? — запричитали люди.

Такие слова окончательно сбили селян с толку. Они недоуменно переглядывались, не понимая, чего от них требуют.

Чу Вэй не стал лукавить и юлить, выложив правду напрямую:

— Я дам вам Сутру Сердца. Каждый из вас — подчёркиваю, каждый — изо дня в день обязан приходить к этому шару и с полным раскаянием в сердце читать её не меньше десяти раз. Будете делать так, пока чернота из стекла полностью не уйдёт. Как только шар станет чистым — значит, души семьи Ван наконец-то обрели покой и зла на вас больше не держат. Только тогда проклятие рассеется.

Кого именно Чу Вэй назвал «каждым», растолковывать никому не требовалось. Все, кто в былые годы приложил руку к гонениям и гибели семьи Ван, должны были предстать перед этой невидимой плахой. Ни один виновный не мог остаться в стороне.

Люди стояли точно громом поражённые. Никто и помыслить не мог, что расплата окажется столь унижительной и долгой.

— Начнёте прямо сейчас, — ровным, не терпящим возражений голосом продолжил Чу Вэй. — Перво-наперво постройте храм. Небольшое святилище, где станете молиться за упокой всех семерых членов семьи Ван. Курильницы в нём не должны остывать ни на миг, а чтение Сутры Сердца должно продолжаться изо дня в день. Пока призраки не отринут свою злобу и не уйдут на перерождение, обряд прерывать нельзя. Лишь тогда спасётесь.

Каждое слово юноши тяжело осело в умах собравшихся, но подобный исход показался им непосильной обузой.

— Но ведь это... сколько же мороки! — недовольно пробурчал кто-то из толпы. — И долго нам так у алтаря спины гнуть?

Чу Вэй лишь снисходительно усмехнулся:

— Не хотите — не молитесь, неволить не стану. Только тогда за последствия я не ручаюсь. И кто знает, не разделит ли кто-то из вас участь дяди Чжана? Поживём — увидим.

В смертный час торговаться о покое — это надо было умудриться. То ли жизнь им была немила, то ли они до сих пор не осознали, сколь близко подобралась расплата.

Жуткая кончина дяди Чжана мёртвой хваткой вцепилась в память каждого жителя деревни. Его обезображенное предсмертной мукой лицо преследовало их в ночных кошмарах. Теперь та же кара настигла и старосту. Не найди они способа унять призрачный гнев — и очень скоро вся деревня превратится в одно сплошное кладбище.

Сердца людей забились в панике, страх сковал волю.

Высокий монах, сокрушённо вздохнув, подвёл черту под их сомнениями:

— Пути кармы неисповедимы. Кто сеял ветер, тот и пожнёт бурю. За чужие грехи платить не принято.

Во дворе повисло тяжёлое, звенящее молчание. Селяне с ужасом осознавали: если замученное семейство затаило слишком глубокую обиду, молиться у алтаря им придётся до конца своих дней.

Наконец Чжао Диншань, скрывавшийся за спиной матери, подал голос:

— А где порука, что от этой писанины действительно толк будет?

Чу Вэй лишь небрежно повёл плечом:

— Можете не верить, дело ваше. Вот только... — Он вновь раскрыл ладонь, являя взорам шар. Чернота внутри него сгустилась настолько, что казалась готовой вот-вот просочиться сквозь грани маслянистой гнилью. — Сосуд этот не вечен. И коли призраки прорвут оковы и явятся за вашими головами — не говорите потом, будто я не пытался вам помочь.

С этими словами юноша развернулся и зашагал прочь со двора.

Двое монахов поспешили следом за ним:

— Почтенный мирянин, задержись на мгновение! Нам нужно побеседовать.

Чу Вэй возражать не стал:

— Если достопочтенные мастера не побрезгуют моей скромной обителью, милости прошу в гости.

Троица мирно удалилась, оставив перепуганных селян растерянно переглядываться посреди пустого двора.

— Да ладно вам, делов-то — часовню срубить! Скинемся да построим, — уныло протянул кто-то из мужчин.

— Срубить-то срубим, а дальше что? Каждый божий день туда ходить, поклоны бить, молитвы читать... И сколько лет этой каторги впереди — бог весть!

— А коли послушаемся, да шар тот треснет? Мертвецы ведь на волю вырвутся... Нам же тогда всем не жить!

Жена старосты, со свистом выдохнув, решительно поднялась с колен:

— Мой мужик ещё дышит, и я сделаю всё, чтобы вытащить его с того света! Или у вас из памяти уже вылетело, какую страшную смерть приняли Лао Чжан со своей бабой? Мы перед Ванамы в вечном долгу. Когда мы творили то непотребство много лет назад, о расплате никто не думал. Вот она и пришла, кара небесная. Храму быть, и спорить тут нечего!

Чу Вэй мог не сомневаться: в доме старосты всё решится именно так, как он предсказал. Умирать не хотелось никому, и предложенный им путь оставался для селян единственной соломинкой.

Впрочем, сейчас мысли юноши занимали двое неожиданных попутчиков.

Приведя гостей в дом, Чу Вэй растопил печь, вскипятил воду и бережно достал из закровов немного чая — редкую роскошь в их скромном обиходе.

— Прошу простить за скудное убранство, почтенные мастера. Чем богаты, тем и рады. Угощайтесь.

Высокий монах окинул взором побеленные стены и полупустую комнату, не скрывая крайнего изумления:

— Достопочтенный мирянин... Обладая столь поразительным даром, неужели ты не можешь заработать на приличное жильё?

Чу Вэй так и застыл с чайником в руках. Он растерянно моргнул, искренне недоумевая:

— А что... за это ещё и деньги платят?

<http://bllate.org/book/19040/1922250>